

Человек на часах — эпизод 7 из 7

Батальонный командир Свиный, по получении донесения об исполнении экзекуции, тотчас же сам отечески навестил Постникова в лазарете и, к удовольствию своему, самым наглядным образом убедился, что приказание его исполнено в совершенстве. Сердобольный и нервный Постников был сделан как следует. Свиный остался доволен и приказал дать от себя наказанному Постникову фунт сахару и четверть фунта чаю, чтоб он мог услаждаться, пока будет на поправке, Постников, лежа на койке, слышал это распоряжение о чае и отвечал:

Много доволен, ваше высокородие, благодарю за отеческую милость.

И он в самом деле был доволен, потому что, сидя три дня в карцере, он ожидал гораздо худшего. Двести розог, по тогдашнему сильному времени, очень мало значили в сравнении с теми наказаниями, какие люди переносили по приговорам военного суда; а такое именно наказание и досталось бы Постникову, если бы, к счастью его, не произошло всех тех смелых и тактических эволюции, о которых выше рассказано.

Но число всех довольных рассказанным происшествием этим не ограничилось.

Под сурдинкою подвиг рядового Постникова расположся по разным кружкам столицы, которая в то время печатной безголосицы жила в атмосфере бесконечных сплетен. В устных передачах имя настоящего героя солдата Постникова утратилось, но зато сама эпопея раздулась и приняла очень интересный, романтический характер.

Говорили, будто ко дворцу со стороны Петропавловской крепости плыл какой-то необыкновенный пловец, в которого один из стоявших у дворца часовых выстрелил и пловца ранил, а проходивший инвалидный офицер бросился в воду и спас его, за что и получили: один должную награду, а другой заслуженное наказание. Нелепый слух этот дошел и до подворья, где в ту пору жил осторожный и равнодушный к светским событиям владыко, благосклонно благоволивший к набожному московскому семейству Свиных.

Проницательному владыке казалось неясным сказание о выстреле. Что же это за ночной пловец? Если он был беглый узник, то за что же наказан часовой, который исполнил свой долг, выстрелив в него, когда тот плыл через Неву из крепости? Если же это не узник, а иной загадочный человек, которого надо было спасать из волн Невы, то почему о нем мог знать часовой? И тогда опять не может быть, чтоб это было так, как о том в мире суесловят. В мире многое

берут крайне легкомысленно и суесловят, но живущие в обителях и на подворьях ко всему относятся гораздо серьезнее и знают о светских делах самое настоящее.

Однажды, когда Свињин случился у владыки, чтобы принять от него благословение, высокочтимый хозяин заговорил с ним кстати о выстреле. Свињин рассказал всю правду, в которой, как мы знаем, не было ничего похожего на то, о чем повествовали кстати о выстреле.

Владыко выслушал настоящий рассказ в молчании, слегка шевеля своими беленькими четками и не сводя своих глаз с рассказчика. Когда же Свињин кончил, владыко тихо журчащею речью произнес:

Посему надлежит заключить, что в сем деле не все и не везде излагалось согласно с полною истиной?

Свињин замялся и потом отвечал с уклоном, что докладывал не он, а генерал Кокошкин.

Владыко в молчании перепустил несколько раз четки сквозь свои восковые персты и потом молвил:

Должно различать, что есть ложь и что неполная истина.

Опять четки, опять молчание и, наконец, тихоструйная речь:

Неполная истина не есть ложь. Но о сем наименьше.

Это действительно так, заговорил поощренный Свињин. Меня, конечно, больше всего смущает, что я должен был подвергнуть наказанию этого солдата, который хотя нарушил свой долг...

Четки и тихоструйный перебив:

Долг службы никогда не должен быть нарушен.

Да, но это им было сделано по великодушию, по состраданию, и притом с такой борьбой и с опасностью; он понимал, что, спасая жизнь другому человеку, он губит самого себя... Это высокое, святое чувство!

Святое известно богу, наказание же на тело простолюдину не бывает губительно и не противоречит ни обычаю народов, ни духу Писания. Лозу гораздо легче перенести на грубом теле, чем тонкое страдание в духе. В сем справедливость от вас нимало не пострадала.

Но он лишен и награды за спасение погибавших.

Спасение погибающих не есть заслуга, но паче долг. Кто мог спасти и не спас подлежит каре законов, а кто спас, тот исполнил свой долг.

Пауза, четки и тихоструй:

Воину претерпеть за свой подвиг унижение и раны может быть гораздо полезнее, чем превозноситься знаком. Но что во всем сем наибольшее это то, чтобы хранить о всем деле сем осторожность и отнюдь нигде не упоминать о

том, кому по какому-нибудь случаю о сем было сказывано. Очевидно, и владыко был доволен.

Если бы я имел дерзновение счастливых избранников неба, которым, по великой их вере, дано проникать тайны божия смотра, то я, может быть, дерзнул бы позволить себе предположение, что, вероятно, и сам бог был доволен поведением созданной им смиренной души Постникова. Но вера моя мала; она не дает уму моему силы зреть столь высокого: я держусь земного и перстного. Я думаю о тех смертных, которые любят добро просто для самого добра и не ожидают никаких наград за него где бы то ни было. Эти прямые и надежные люди тоже, мне кажется, должны быть вполне довольны святым порывом любви и не менее святым терпением смиренного героя моего точного и безыскусственного рассказа.